

Постепенно напряжённые мышцы расслаблялись. Нин Гуйчжу лежал на кровати и чувствовал себя настолько хорошо, что чуть не застонал от удовольствия. Он удержался только потому, что рядом был Сюн Цзиньчжоу, и ему стало неловко.

Он чуть сдвинулся к стене, похлопал по месту рядом, приглашая лечь, и с воодушевлением закатал рукава:

— Теперь моя очередь тебя размять.

Сюн Цзиньчжоу немного поколебался, но не устоял перед его ожиданием. Он снял верхнюю одежду, лёг на живот и всё же предупредил:

— У меня мышцы крепкие, их тяжело разминать. Не перенапрягайся.

— Не переживай, я знаю, что делаю.

Нин Гуйчжу положил руки ему на спину, попробовал надавить и на мгновение замер. Потом ещё раз нажал, подумал пару секунд и, не долго раздумывая, перекинул ногу и уселся сверху.

Сюн Цзиньчжоу: !!!

Пока он пытался подобрать слова, чтобы что-то возразить, Нин Гуйчжу уже начал. Сил у него, конечно, было немного, но он когда-то подрабатывал в массажном салоне. Сложных техник не знал, зато базовые умел хорошо. Он не просто давил, а находил точки и мягко разрабатывал их, расходясь от центра. Сюн Цзиньчжоу даже глаза приоткрыл от удивления - такое мастерство, по его мнению, и лекаря из клиники не снилось.

И настроение у него стало... крайне довольным.

Нин Гуйчжу разминал его почти полчаса, пока не почувствовал, что руки устали. Он начал трясти кистями, думая сделать перерыв, как вдруг ощутил, что под ним шевельнулись. Сюн Цзиньчжоу чуть повернулся, перехватил его руки и аккуратно потянул вниз. Нин Гуйчжу послушно слез, но с лёгким недоумением спросил:

— Что случилось?

— Отдохни немного. Руки, наверное, устали?

Даже не дожидаясь ответа, Сюн Цзиньчжоу обнял его и начал разминать ему руки.

Нин Гуйчжу довольно прикрыл глаза. Глядя на это милое выражение, Сюн Цзиньчжоу не смог

удержаться - наклонился и мягко коснулся его губ.

Этот поцелуй быстро перестал быть просто лёгким. Пока дыхание не сбилось, Нин Гуйчжу упёрся ладонью в грудь Сюн Цзиньчжоу, отстранился от долгого поцелуя и отвернулся, стараясь успокоить дыхание.

Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд. С этого ракурса отчётливо виднелась изящная линия его плеч и шеи, и от этого в нём ещё сильнее поднималось волнение. Почувствовав перемену в его состоянии, Нин Гуйчжу слегка напрягся, румянец разлился от ушей по всему лицу.

Сюн Цзиньчжоу сглотнул и, стараясь говорить спокойно, произнёс:

— Чжу-гер... мы ведь ещё не были вместе как супруги.

Рука Нин Гуйчжу, упиравшаяся в его грудь, замерла, пальцы слегка сжались. Он отвёл взгляд, будто не зная, как реагировать, но всё же тихо ответил:

— Угу...

Едва слышно, но Сюн Цзиньчжоу этого было достаточно. Он снова склонился, мягко касаясь губ своего фулана. Несмотря на порыв, в каждом его движении чувствовалась сдержанность: стоило Нин Гуйчжу хоть немного заколебаться - он бы сразу остановился.

Но этого не произошло.

Тот, кто когда-то строил свои планы и думал о побеге, сейчас спокойно оставался в его объятиях. В полумраке его тёмные глаза мерцали, словно скрывая в себе ожидание.

Нин Гуйчжу тоже было всего девятнадцать. В таком возрасте чувства легко берут верх, и, ощущая, с какой бережностью к нему относится Сюн Цзиньчжоу, он думал лишь об одном - раз между ними уже есть чувства, то что в этом такого?

Ничего.

Поэтому он пробормотал:

— Так ты всё-таки будешь или нет?

Услышав это тихое бормотание, Сюн Цзиньчжоу сжал губы, и улыбка на его лице стала ещё заметнее. Он поднял руку, поддержал затылок Нин Гуйчжу и снова наклонился, целуя его.

В их негромком дыхании поцелуи скрывали приглушённые стоны, и в этом уединённом дворе на окраине деревни отчётливее всего слышались лишь писк и крики цыплят и утят.

— Дядя! Тетя! — трое детей с шумом прибежали обратно. Увидев, что ворота во двор приоткрыты, они заглянули внутрь. — Странно, дядя с тетей ещё не вернулись?

Сюн Чуаньшуй почесал затылок и посмотрел на старшего брата. Тот лишь покачал головой - он тоже не знал. Обернувшись, они увидели, как Сюн Иньин, пыхтя, тащит на руках Эрцай. Видя, как ей тяжело, Сюн Цзиньбо не выдержал:

— Сестрёнка, мы уже почти дома, пусть он сам идёт.

— Ага, — она опустила щенка, погладила по голове и показала на ворота. — Тут совсем чуть-чуть, Эрцай, сам дойдёшь?

Эрцай, виляя хвостом, хотел ещё поиграть, но вдруг почувствовал боль в заднице.

— Тяв! — он резко обернулся.

Даван, укусивший его, тут же отпустил и со всех ног помчался во двор, а Эрцай с лаем кинулся за ним. Дети некоторое время стояли у ворот, с интересом наблюдая, пока собаки не набегались и не улеглись отдыхать. Тогда они с сожалением закрыли калитку и, взявшись за руки, ушли домой.

Снаружи всё стихло.

Нин Гуйчжу тихо зашипел и попытался оттолкнуть Сюн Цзиньчжоу:

— Всё, не могу... у меня спина болит, дай передохнуть.

Сюн Цзиньчжоу наклонился и поцеловал его:

— Сейчас, сейчас.

Нин Гуйчжу: ...Сколько уже было этих «сейчас»?□□

По его лицу уже ясно читалась усталость. Сюн Цзиньчжоу мягко успокоил его, снова разжигая в нём желание, а когда всё закончилось, укрыл одеялом и поднялся:

— Я пойду нагрею воду. Ты будешь здесь обтираться или в ванную пойдёшь?

— Здесь... — Нин Гуйчжу прикрыл глаза. Всё тело ломило, и идти куда-то совсем не хотелось.

Такой ответ Сюн Цзиньчжоу и ожидал. Он постоял рядом, немного его уговаривая и успокаивая, дождался, пока тот окончательно закроет глаза, и тихо вышел из спальни. Он налил воды в котёл и поставил на огонь, а пока ждал, успел замесить ещё немного теста и отложить в сторону. Когда вода закипела, он разбавил её холодной, затем принёс ведро в комнату. Увидев, что Нин Гуйчжу крепко спит, не стал его будить - осторожно поднял и начал аккуратно вытирать с него пот.

Нин Гуйчжу, сквозь дремоту почувствовав прикосновения, резко пришёл в себя:

— Я сам... ты выйди.

Сюн Цзиньчжоу хотел что-то сказать, но, увидев, как тот покраснел, кашлянул, отвёл взгляд, помог ему сесть на табурет и вышел.

Когда дверь закрылась, Нин Гуйчжу облегчённо выдохнул, поднял руку и несколько раз похлопал себя по щекам, пытаясь унять жар. Но это оказалось не так просто.

Возможно, потому что это только что закончилось, некоторые части его тела все еще были очень чувствительны, и Нин Гуйчжу чуть не издал неожиданный стон, отчего румянец на его лице стал еще сильнее. После умывания он не хотел выходить и видаться с Сюн Цзиньчжоу, поэтому просто юркнул под одеяло и спрятался, словно перепёлка.

Сюн Цзиньчжоу ждал снаружи довольно долго, но Нин Гуйчжу так и не вышел. Он подошёл к двери, прислушался - воды уже не было слышно - и только тогда открыл.

— Чжу-гер? — увидев, что тот снова забрался под одеяло, Сюн Цзиньчжоу подошёл, присел у кровати и с тревогой наклонился ближе. — Тебе правда так плохо? Может, позвать врача?

— Да не нужно...

Нин Гуйчжу повернулся к нему. Глаза у него блестели, а на лице ещё держался лёгкий румянец.

— Просто немного поясница болит, не стоит звать врача.

Возможно, у геров восприятие в этом плане и правда отличается, а может, дело в том, что Сюн Цзиньчжоу был с ним бережен, но для Нин Гуйчжу всё прошло приятно. Его нынешнее состояние было скорее от смущения. Ему было неловко смотреть на Сюн Цзиньчжоу, да и мысль о том, что кто-то из домашних может заметить перемены, тоже заставляла его смущаться.

— В книгах же всегда так пишут...

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на него, и сердце у него смягчилось. Он наклонился и легко поцеловал его в губы:

— Тогда вставай поесть? Я только что лапшу сварил.

Стоило ему это сказать, как живот Нин Гуйчжу громко заурчал.

— Ладно-ладно, встаю.

Он уже было начал подниматься, но вдруг вспомнил, что не одет, и, закутавшись в одеяло, поспешил выпроводить Сюн Цзиньчжоу наружу. Тот послушно вышел.

Когда Нин Гуйчжу, одевшись, вышел, Сюн Цзиньчжоу как раз разливал сваренную лапшу по чашкам. Из-за того, что её варили дольше обычного, лапша получилась мягкой, почти разваренной, а бульон - густым и на вид очень лёгким для желудка.

Нин Гуйчжу даже заметил внутри яйцо:

— Откуда это?

— Сходил к соседям, купил, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Соседи?

За всё время после попадания сюда Нин Гуйчжу впервые услышал это слово. Лишь спустя мгновение он понял, что речь о доме справа, метрах в десяти-двадцати от них.

Сюн Цзиньчжоу, наблюдая, как он пробует бульон, с ожиданием спросил:

— Ну как? Вкусно?

Нин Гуйчжу уверенно кивнул:

— Очень вкусно.

И это была не просто похвала: соли ровно столько, сколько нужно, соевого соуса - в меру, аромат яйца и зелёного лука отлично смешался с густым бульоном - получилось действительно хорошо.

Сюн Цзиньчжоу сразу повеселел и, уплетая лапшу, добавил:

— Я сначала хотел у своих купить яйца, но понял, что мама с ними деньги не возьмёт, вот и пошёл к соседям. Только они там такие пугливые - с мотыгами стояли, долго не решались спросить, зачем я пришёл.

Нин Гуйчжу, услышав его беззаботный тон, не удержался от улыбки и покачал головой:

— И сколько купил?

— У них куры плохо несутся, всего десяток набралось, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — В деревне яйцо по две медные монеты - недорого.

После покупки мула у него ещё оставались деньги, да и за месяц он получил свои пятьдесят монет - на яйца вполне хватало.

— Мы же договорились, что всё для еды берём из общего, — сказал Нин Гуйчжу. — Потом сходи и возьми деньги, чтобы покрыть расходы.

— Ладно... — Сюн Цзиньчжоу поворчал всего пару мгновений, а потом снова повеселел: Чжугер ведь просто заботится о нём.

В прошлый раз они ели яйца, которые дали дома. Сейчас, доедая лапшу с яйцом, Нин Гуйчжу чувствовал себя особенно довольным, он даже бульон выпил до последней капли.

Сюн Цзиньчжоу, глядя на это, вдруг понял:

— Ты, оказывается, любишь яйца.

— Да не то чтобы... просто давно не ел, соскучился.

В доме ещё оставалось немного вяленого мяса, да и свежее они время от времени покупали. Нин Гуйчжу то экономил, то позволял себе больше, но если уж брал мясо, на яйца уже не тратился, лишь про себя прикидывал, когда же их куры начнут нестись.

Сюн Цзиньчжоу об этом и не догадывался. Услышав сейчас, он сразу сказал:

— Тогда я ещё схожу куплю.

— Десятка вполне хватит, — остановил его Нин Гуйчжу. — Если и покупать, то когда съедим.

— А... — Сюн Цзиньчжоу уже поднялся, но тут же послушно сел обратно, взял его за руку и серьёзно добавил: — Я иногда не замечаю таких вещей. Если тебе чего-то хочется, просто покупай, не жалея денег.

— И не боишься, что я всё растрянжирю? — фыркнул Нин Гуйчжу.

— Не боюсь.

Сюн Цзиньчжоу даже задумался на секунду и совершенно серьёзно сказал:

— У меня ведь каждый месяц есть целый лян серебра. Даже если всё потратить, потом снова накопим.

— ...

Когда день становится свободнее, кажется, будто и время тянется дольше. Они поели, вымыли посуду, а до привычного времени возвращения домой было ещё далеко. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу покормили мула и птицу, поиграли с двумя щенками.

— Может, выведем Маньтоу прогуляться? Он же целый день сидит, — вдруг предложил Нин Гуйчжу.

— Давай.

Сюн Цзиньчжоу не возражал и пошёл за мулом. С тех пор как Маньтоу появился у них, он привык утром и вечером выходить с хозяевами. А тут два дня просидел взаперти, неудивительно, что, оказавшись на свободе, шагал так, будто весь мир принадлежит ему.

Сюн Цзиньчжоу махнул рукой и отпустил повод, вернулся к Нин Гуйчжу, взял его за руку, и они медленно пошли вперёд. Прошло уже полмесяца. От прежних лекарств остались лишь несколько пластырей, синяк на колене Нин Гуйчжу почти исчез, а от мази уже не было ни тепла, ни покалывания, похоже, скоро он совсем поправится.

Они шли слишком неторопливо. Маньтоу обежал их пару раз, не выдержал такого темпа и рванул вперёд.

— Гав-гав!

Щенки тут же сорвались с места, проскочили мимо ног хозяев и помчались за ним.

Нин Гуйчжу поднял взгляд. Два щенка бежали рядом с мулом— их хвосты торчали вверх и весело виляли, а длинный хвост Маньтоу качался в такт.

— Как будто три щенка, — сказал он.

Сюн Цзиньчжоу поднял взгляд и увидел, как Маньтоу с любопытством щипнул придорожную траву. Видимо, вкус ему не понравился - он тут же начал отплёвываться.

Сюн Цзиньчжоу рассмеялся:

— Наши собаки так себя не ведут.

— ...пф, — Нин Гуйчжу не удержался и тихо рассмеялся.

Проходя мимо дома, они увидели, что семья ещё ужинает. Заметив их, Сюн Цзиньпин спросил:

— Может, с нами поедите?

— Мы уже ели, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Они лишь заглянули и уже собирались идти дальше, как вдруг, обернувшись, столкнулись лицом к лицу с Маньтоу. Нин Гуйчжу инстинктивно отпрянул назад, Сюн Цзиньчжоу тут же подхватил его за талию, а другой рукой хлопнул мула по голове:

— Ты чего творишь? Мешаешься.

Маньтоу фыркнул недовольно, тряхнул головой, повёл задом и убежал. Нин Гуйчжу выпрямился и незаметно потёр поясицу. Даже не удержался от замечания:

— Вредина... он точно специально нас напугал.

У мулов ведь сообразительности хватает.

Сюн Цзиньчжоу хотел было снова помочь ему, но не успел - Нин Гуйчжу мягко оттолкнул его руку и тихо сказал:

— Не надо, родители же рядом.

Сюн Цзиньчжоу оглянулся - и правда, кто-то смотрел в их сторону. Учитывая стеснительность Нин Гуйчжу, он послушно сдержался.

Лишь когда они вышли из поля зрения семьи, он снова протянул руку и начал разминать ему поясницу:

— Ну как? Может, вернёмся, отдохнёшь?

— Ничего, давай ещё пройдёмся, — Нин Гуйчжу переплёл их пальцы и повёл его дальше. — А когда вернёмся, обсудим, чему можно научить остальных. Посмотрим, что брат с невесткой захотят освоить.□□

Сюн Цзиньчжоу крепче сжал руку Нин Гуйчжу:

— Тебе опять придётся потрудиться.

Нин Гуйчжу повернул к нему голову и с улыбкой ответил:

— Да какое тут «потрудиться». Я только научу, а как они этим будут пользоваться - уже их дело, меня это не касается.

Сюн Цзиньчжоу ничего не сказал. Он прекрасно понимал: такие умения достаются нелегко, и раздавать их вот так способен только его мягкий и добрый Чжу-гер.

Они немного прошлись, дошли почти до большого дерева у входа в деревню и развернулись обратно. Маньтоу и две собаки, пробежав вперёд, обернулись и, увидев, что хозяева уже далеко, поспешили догонять.

Когда они вернулись к дому, семья уже поужинала и сидела за столом, беседуя. Увидев их, Ван Чуньхуа сразу встала и налила им по чашке холодной воды.

— Спасибо, невестка, — Нин Гуйчжу отпил глоток и сказал: — У меня есть одно дело, хочу с вами обсудить.

Услышав его серьёзный тон, все переглянулись.

— Что случилось?

Нин Гуйчжу не стал говорить о далёких планах, лишь пояснил:

— Я умею довольно много разных вещей. Подумал, что мог бы кое-чему научить отца, мать, брата с невесткой, чтобы в межсезонье можно было подзаработать.

Ведь сейчас в такие времена люди лишь собирали дикие травы не от хорошей жизни, а потому что других способов заработать не было. А если появится доход, кому будут нужны эти травы?

Стоило ему это сказать, как Ван Чуньхуа сразу оживилась. Она уже собиралась заговорить, но вдруг почувствовала, как её слегка прижали за ногу. Обернувшись, она увидела, что Сюн Цзиньпин незаметно покачал головой. Ей пришлось сдержаться и перевести взгляд на старших.

— Чжу-гер, а чему именно ты хочешь научить? — спросила Лю Цюхун.

Нин Гуйчжу заранее это обдумал:

— В основном изделия из сои - например, тофу, ферментированный тофу, вонючий тофу. Можно будет носить на продажу в уезд - пусть немного, но доход будет. А ещё, если захотите, можно освоить плетение из бамбука - в дождливые дни тоже будет чем заняться.

Соя не считалась основным зерном, её обычно сажали по краям полей. Но благодаря разнообразию соевых продуктов она выходила одной из самых доступных и выгодных по соотношению цены и пользы.

Слушая Нин Гуйчжу, Ван Чуньхуа уже вообразила, как они зарабатывают деньги, и едва не бросилась тут же «учиться». Но Сюн Цзиньпин крепко держал её, не давая вскочить, за что она украдкой ущипнула его за бок.

Сюн Цзиньпин: ...больно.

Их возню не скрыли от старших. Лю Цюхун лишь тихо вздохнула про себя и сказала Нин Гуйчжу:

— Чжу-гер, раз ты сам предлагаешь учить, мы, конечно, согласны. Но кое-что нужно заранее оговорить.

— Что именно? — немного растерялся Нин Гуйчжу.

Лю Цюхун улыбнулась:

— А что же ещё? Плату за обучение.

Глаза Нин Гуйчжу широко распахнулись. Он уже хотел отказаться, но Лю Цюхун, заметив это, не дала ему и слова вставить:

— Даже между родными счёт должен быть честным. Раз учишь, должен брать плату.

Ван Чуньхуа энергично закивала:

— Точно, слушай маму - она плохого не скажет!

Стоило Лю Цюхун согласиться на обучение, как Ван Чуньхуа чуть не подпрыгнула от радости. А теперь, услышав про плату, и вовсе готова была подбежать и заставить Нин Гуйчжу согласиться.

...Что-то в этом казалось немного странным. Но ладно, неважно.

Глядя на её реакцию, Нин Гуйчжу только беспомощно улыбнулся:

— Хорошо, плату я возьму... но не деньгами.

Семья переглянулась.

— А тогда как? — спросил Сюн Шишань.

Нин Гуйчжу сказал:

— Буду брать десять процентов от прибыли. После вычета затрат: если за день заработаете десять медных монет - мне одну, если двадцать - две. Если прибыли нет, ничего не нужно. И так в течение года. Как вам?

Десять процентов на первый взгляд немало. Но у крестьян всё завязано на земле и погоде: минимум треть дней в году дохода не будет вовсе. Да и в уезде уже продают и тофу, и плетёные изделия - больших денег тут не сделаешь. В итоге доля Нин Гуйчжу выходила вполне скромной.

Ван Чуньхуа в денежных делах разбиралась хорошо. Быстро прикинув в уме, она первым делом сказала:

— Чжу-гер, да ты же в убытке останешься!

Нин Гуйчжу: ...

Он не удержался от смеха и нарочно добавил:

— Вот поэтому вам придётся продавать побольше, чтобы и я побольше заработал.

Все засмеялись.

Ван Чуньхуа тут же подхватила мысль и с довольным видом сказала:

— Не переживай, не дадим тебе прогореть!

После того как обсудили деньги, решили, что учёба будет проходить вечером, после того как Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу возвращаются с работы в уезде. Дальше разговор перешёл на обычные домашние дела: как подросли куры и утки, взошли ли все овощи в огороде и прочее.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и на лице Нин Гуйчжу появилась усталость.

Сюн Цзиньчжоу встал:

— Темнеет. Отец, мать, брат, невестка, мы пойдём.

— Идите, только смотрите под ноги, не наступите на змею.

Когда они ушли, Ван Чуньхуа ещё немного посидела, мечтая о будущих заработках на тофу и плетении, а затем засучила рукава и пошла доделывать оставшиеся дела по дому. Сюн Цзиньпин молча последовал за ней помогать.

Лю Цюхун фыркнула, усмехнувшись, и сказала своему старику:

— Посмотри на неё, совсем себя не держит.

Сюн Шишань потер грудь и с полной искренностью ответил:

— Старуха... да я, похоже, не лучше. У меня сердце уже полдня колотится, никак не успокоится.

Лю Цюхун: ...

Как ни крути, слова Нин Гуйчжу сегодня действительно потрясли всю семью. Это ведь про деньги речь шла! Тут уж кто угодно разволнуется, разве что глупец останется равнодушным.

<http://bllate.org/book/14958/1613086>